

В.И. Бочкарева

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В курсе «Социология предпринимательства», который читается на социологическом факультете СПбГУ, речь идет и о западноевропейских основателях этой дисциплины, и о видных современных западных и отечественных исследователях в этой сфере [1, с. 132]. Естественно, возникают некоторые вопросы: а проводились ли в дореволюционной России социологические исследования предпринимательства, изучались ли социальные процессы и факторы, которые способствовали либо препятствовали его распространению, развитию инициативного личного начала? Исследование предпринимательской деятельности с необходимостью требует изучения взаимоотношений предпринимателей с наемными работниками (в деле организации производства, страхования, правового обеспечения и т.д.). В связи с этим необходимо отметить, что теоретическое и эмпирическое изучение другого субъекта хозяйственной жизни — рабочего класса — в России было весьма развито. «При этом отечественные ученые часто жаловались на то, что предприниматели искажали данные, мешали проведению объективного исследования и пресекали “инициативы” ученых» [2, с. 165]. А как предприниматели относились к попыткам социологов изучать их самих? Какие рекомендации давали отечественные исследователи по созданию благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности? И как реагировала на них власть? Ответы на эти вопросы мы и попытаемся дать в настоящей статье.

Предпринимательство как атрибут рыночных отношений предполагает самостоятельность и инициативу субъектов хозяйственной деятельности (собственников, управляющих, кооператоров, арендаторов и др.) и их объединений. Э. Дюркгейм в своей работе «О разделении общественного труда» (1893 г.) признаками разделения труда и

Бочкарева Вера Игнатьева — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Российского гуманитарного института при СПбГУ.

Адрес: 199155, С.-Петербург, пер. Декабристов, д. 16, РГИ при СПбГУ, кафедра социологии и политологии.

Тел.: (812) 172-10-14.

выделения из общинной жизни инициативного личностного начала считал отходничество и миграцию населения, профессиональную специализацию и оформление договорных отношений. В этих социальных процессах он видел проявление потребности в экономическом успехе путем самореализации, когда люди, даже с риском для себя, сами выбирают место и род деятельности, работодателей и потребителей, заключают договоры и т.д. Однако «у славян», по его мнению, в отличие от европейских народов, эти признаки отсутствуют, и вся их жизнь так пропитана коллективным, общинным духом, подчинена «авторитету» и «нейтрализующему влиянию коллективного сознания на разделение труда», что несмотря на нищету они «продолжают жить сообща вместо того, чтобы взяться за какие-нибудь посторонние занятия» [3, с. 292]. Подобный категорический вывод Дюркгейма не соответствовал фактическому положению дел.

В России развитие крупного, среднего и мелкого предпринимательства, оживление экономической жизни началось собственно с уничтожения крепостного труда, при котором десятки миллионов населения работали «без мысли и знания». Первым исследованием социально-экономических процессов в России стала работа В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869). В этой работе, основанной на наблюдениях, историческом материале, данных местной статистики, он не только сделал вывод о быстром развитии в России «машинного производства и фабричной системы», но особо выделил два процесса, которые в 60-е годы имели «огромные размеры» – это отхожие промыслы и миграция населения. Так, по неполным данным земской статистики, обобщенным Берви-Флеровским, в некоторых уездах Костромской губернии в 1867 г. 2/3 мужского населения находились в отходе, а из Нижегородской губернии в этом же году в отход вышло 30 тыс. человек [4, с. 510]. Особо он приветствовал миграцию, «подвижность трудоспособного населения», считая, что государство должно всячески «способствовать этому процессу» правовым регулированием с учетом как потребностей страны («для оптимального распределения рабочей силы»), так и потребностей населения («для его достаточного обеспечения»). Из факторов, которые могут способствовать экономическому развитию страны, автор выделил «развитие научного, интеллектуального труда», в том числе и «интеллектуальное образование тружеников» [4, с. 612].

В 1897 г. вышла монография русского экономиста, социолога, земского деятеля Н.А. Карышева «Труд, его роль и условия приложения в производство», где также использовался большой эмпирический материал (правительственная и земская статистика, отчеты фабричных инспекторов, материалы переписи населения, статьи и монографии, описывающие деятельность отдельных предприятий и отраслей хозяйства). Автор анализировал не только отечественные, но и западные работы. Так например, сравнивал расходы бельгийских рабочих и воронежских крестьян в 90-е годы XIX века по данным известного прусского статистика Э. Энгеля (в экономике — закон Энгеля, Engel's Law) «Die Lebens belgischer Arbeiter Familien» (Жизнь бельгийских рабочих семей)[5] и В. Щербины «Потребности и потребление земледельческого населения» [6].

Карышев в специальном параграфе «Передвижение рабочих – отхо-

жие промыслы в России» назвал отходничество «одной из крупнейших черт нашего хозяйственного быта». Он свел все имеющиеся «по этому предмету» сведения по одной трети 50 губерний европейской части России и сделал вывод, что в 80-е годы ежегодно отхожие промыслы охватывали «в указанных пределах России не менее 5 милл. человек», без учета женского отхода. В центральных губерниях — Московской, Рязанской, Нижегородской, Смоленской, а также Вятской на востоке и Петербургской на западе отход охватывал от 32 до 42,5% «всех мужчин рабочего возраста». Что касается «профессий отхожих промышленников, то они крайне разнообразны», — писал автор, но недостаточно изучены [7, с. 268].

Мелкое и среднее предпринимательство в России развивалось в кустарном и ремесленном производстве, и Карышев выделил те районы России, где те или иные формы этого «малого производства» были доминирующими. Так, рыболовное артельное производство было особенно распространено на севере — в Олонецкой губернии и в Сибири. Причем там существовали артели и мирские (общинные), и предпринимательские. Зачастую они охватывали все население деревни, а иногда и волости (волость-артель). В Петербургской, Херсонской, Тверской, Саратовской губерниях были особенно развиты артели «каменоломные», в Харьковской, Ярославской, Владимирской — гончарные, в Вятской, Пермской, Псковской — артели по добыче алебастра, известняка, в Донском бассейне — угольные, на Урале — по добыче золота и камней («старательские»), в Симбирской и Рязанской губерниях — артели бочаров (численностью по 80–90 человек) и повсеместно — строительные (численностью по 75 человек) [7, с. 312].

Важнейшим условием «подъема хозяйства страны» Карышев, как и Берви-Флеровский считал развитие образования (технического, агрономического, простой грамотности). Между «богатством страны», «ее техническим обеспечением» и «степенью умственного развития населения» существует тесная связь. Если в США, Великобритании, Германии умеет читать почти каждый, то в России 1 грамотный приходится на 5 неграмотных. В России каждый рабочий производит ежегодно, в среднем, «продуктов в полтора раза меньше германского и французского, вдвое меньше британского и втятеро меньше американского». Карышев выводит и сравнительные данные затрат на первоначальное обучение в школах, в среднем, на 1 жителя (во французских франках): в США — 12,95; Швейцарии — 6,48; во Франции — 4,43, Италии — 2,02; в России — 0,19 [7, с. 385].

По миграционным процессам в России в работе Карышева приводят-ся данные «известного знатока переселенческого вопроса» В.Н. Григорьева. Средним числом в год в 1860-е годы на переселение выходило 25 тыс., в 1870-е — 40 тыс., в 1880-е — 60 тыс., в 1890-е — 300 тыс. человек (и это по неполным, «отрывочным» данным земской статистики, частных лиц, губернских статистических комитетов). Переселенцы активно развивали промышленность (прежде всего кустарную, ремесленную) и земледелие. Но Закон 1889 г. требовал специального разрешения на переселение, что крайне затрудняло «разрешенное» переселение и увеличивало самовольное. Так, в Сибири 70–80% всех переселенцев в 1890–1892 гг. составили переселенцы самовольные. Карышев предлагал

упростить порядок получения разрешения на переселение и считал, что «правительство и общество» должны всячески содействовать этому «естественному народному движению», для чего необходимо давать населению сведения о местах переселения, облегчить путь передвижения, оказывать переселенцам помощь на местах [7, с. 253].

Карышев пишет о «предприимчивости» и крестьян-общинников и приводит факты, которые, по его мнению, представляют «величайший интерес». В патриархальных крестьянских семьях соединительным звеном, авторитетом для семьи был ее глава («большак»). В конце XIX в. в России стали практиковаться так называемые «договорные семьи». Простейший вид устной «договорной семьи» — девушку выдают замуж при условии, что муж остается работником в ее семье; вдова выходит замуж, чтобы приобрести работника в своем хозяйстве. Но встречались случаи, когда единое хозяйство создавалось на «договорных основах» между не проживающими вместе близкими или «даже дальними родственниками», при этом оговаривались «сроки их соединения» для совместного ведения хозяйства (до 10 лет) и в этих случаях все чаще «начинают практиковаться письменные договоры» [7, с. 572].

В конце XIX в. появилось значительное количество работ, основанных на фактическом материале, с описанием отдельных отраслей хозяйства, с анализом факторов, влияющих на экономическое развитие страны и предпринимательскую деятельность: В.В. (Воронцов В.П.) «Очерки кустарной промышленности в России»; В.В. (Воронцов В.П.) «Артельные начинания русского общества»; Куликовский Н. «Артели Олонецких рыбаков»; Куликовский Н. «Фабрично-заводская промышленность и торговля России»; Чупров А.И., Янжул И.И. «Экономическая оценка народного образования»; Туган-Барановский М.И. «Русская фабрика в прошлом и настоящем» и др.

Особое место среди этих работ занимают «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем-Новгороде» [14].

Торгово-промышленные съезды проводились в России с 1870 г. Съезды в Петербурге в 1870 г. и Москве в 1882 г. проходили «по усмотрению частных обществ». Съезд в Нижнем Новгороде 1896 г. был создан по распоряжению Министерства финансов (министр — С.Ю. Витте) и «по высочайшему повелению Государя Императора» для выяснения «практических нужд крупного, среднего и мелкого предпринимательства», для уяснения положения дел в отдельных отраслях промышленности и «видов их дальнейшего развития, для регулирования промышленно-торговой жизни страны». Председателем съезда был назначен член Совета Министров финансов Д.И. Кобеко.

В работе съезда приняли участие представители Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Государственного банка, Комитетов торговли и мануфактур, биржевых и таможенных комитетов; виднейшие российские профессора (Д.И. Менделеев, А.И. Воейков, Н.В. Склифасовский, Л.В. Ходский, А.И. Чупров, И.И. Янжул и др.); представители частных обществ (Императорского Вольного экономического общества, Юридического общества при Московском университете, Общества для содействия русской промышленности и торговли, Русского технического общества, Общества для распространения коммерческих знаний, Общества сельских хозяев и др.); представители печати, потребительских обществ и товариществ, владельцы фабрик и заводов (С.Т. Мо-

розов, «суконный фабрикант» Д.В. Барышников, «владелец железнодорожного и проволочного завода» В.В. Беккер и др.); фабричные инспекторы, управляющие, инженеры-технологи, купцы и т.д. Всего было представлено 150 докладов, проведено 49 заседаний. Все выступавшие должны были выставить в докладе определенные положения и «подкрепить их фактическими данными».

Основные проблемы, которые практически затрагивали все выступившие на съезде, независимо от выбранной темы:

— обучение и образование населения (образования начальное, техническое, специальное) ввиду «быстрого улучшения и специализации технического производства», что приводит к усложнению требований к лицам, желающим заниматься этими производствами. Образование объявлялось «одним из могучих рычагов к развитию промышленности и упорядочению общего блага»;

— повышение общей и профессиональной культуры самих промышленников, предпринимателей;

— правовое обеспечение новых социальных реалий, складывающихся в стране (создание новой, изменение, дополнение существующей нормативно-правовой базы в сфере банковского, тарифного, таможенного, гражданского, уголовного законодательства, в сфере регулирования отношений между предпринимателями и наемными рабочими);

— совершенствование промышленной, ремесленной и торговой статистики (для «знания фактического положения дел в стране»).

Проблемы образования активно обсуждались на съезде не только в секции («отделе») «Техническое образование». Так, в докладе Киевского биржевого комитета (секция «Промышленность фабрично-заводская и ремесленная») подчеркивалось, что развитие в России экономической жизни началось собственно с отменой крепостного права, при котором страна со значительными природными ресурсами не могла стать «богатой практическим образованием по технике, ремеслам и даже землевладению», так как основная масса работников находилась в состоянии «голодном и непрощенном». Самым выгодным и гарантированным стало помещение капитала в концессии по строительству железных дорог (за счет казны и частных обществ). И не только потому, что железные дороги были «первым звеном в экономической жизни государства» и частные общества не сами находили деньги на их строительство, а в основном получали от правительства путем займов, но и потому, что в строительстве использовалась «грубая физическая сила работника». Что касается развития машиностроения, «устройства фабрик и заводов», то в России трудно найти «таких капиталистов, которые решились бы на свой страх и риск взяться за какое-либо частное промышленное предприятие», — слишком высока учетная ставка (в Европе она составляла 2–3%, а в России даже государственным банком практиковалась в 8%) [14, т. 2, вып. 4, с. 39]. Кроме того «огромное, более того, первенствующее значение в процветании промышленности имеет широкое распространение народного образования», которое дает промышленности «трудящегося сознательного, и вследствие того, заинтересованного в успехе самого производства». Но если число грамотных в западноевропейских странах составляло 85–97% всего

населения, то в России распространение народного образования «весьма незначительно», а это — «главный тормоз прогресса в промышленности вообще и в отдельных производствах в частности» [14, т. 2, вып. 4, с. 40]. Поэтому «на первое время» важным является распространение грамотности среди населения и ознакомление его с первоначальными арифметическими действиями, единицами меры, веса и емкости.

По проблемам правового регулирования на съезде шла речь: об упрощении существующих «таможенных обрядностей и формальностей»; о внесении в Гражданское уложение «норм, регулирующих юридическое положение артелей»; о внесении изменений и дополнений в правила о почтовой и телеграфной корреспонденции (введение перевода денег по почте и телеграфу, упрощение формальностей при приеме и выдаче корреспонденции, доставка периодических изданий «с первой почтою и с первым отходящим поездом»); о введении гибких железнодорожных тарифов на перевозимую продукцию (сезонную, скоропортящуюся, с учетом различной стадии обработки); об учреждении государственного банка «мелкого кредита»; об отмене уголовной ответственности «за самовольный уход с работы», что противоречит «характеру гражданско-правовых отношений между нанимателями и рабочими»; о распространении на ремесленные заведения действия Закона об ограничении работы детей от 12 до 15 лет; о создании нормативно-правовой базы для средних и мелких торгово-промышленных предприятий на акционерных началах (с «простой процедурой их учреждения и открытия»). На съезде был разработан Типовой устав потребительских обществ, Устав общества взаимного страхования «фабрикантов и заводчиков от несчастных случаев с их рабочими и служащими» (предложенный комиссией петербургских фабрикантов и заводчиков) и т.д.

Съезд особо выделил значимость среднего и мелкого предпринимательства, которое в сфере кустарной и ремесленной промышленности из подспорья земледельческому промыслу превращалась в самостоятельную форму производства и начинало занимать особое по своему экономическому значению место «в общем государственном строении страны». Точно так же и кооперативная форма потребления, занимая скромное место в области торговли по размерам своих операций, становилась все более «крупным фактором, регулирующим отношения производителя к потребителю, упорядочивающим самую торговлю» [14, т. 1, с. 49].

В России к 1896 г. существовало 150 потребительских обществ. На съезд прибыли представители 32 обществ (60 человек) — для них это был первый опыт совместной работы, до съезда они не имели между собой никакой связи («ни нравственной, ни экономической»). И надо сказать, что этот «первый опыт совместной работы» был оценен съездом как «весьма плодотворный».

Потребительские общества осуществляли закупку товаров и торговое обслуживание населения и создавались по производственному и профессиональному признаку. Так, по профессиональному признаку в России существовали общества педагогов, железнодорожников, врачей, моряков, гвардейских офицеров и т.д. Как было заявлено на съезде, общества заводские и профессиональные «достигли блестящих результатов». В отличие от крупных акционерных или товарищеских предприятий они не ставили задачи получения «больших барышей на капиталы». Их задача — оказывать помощь в торговом обслуживании «рабочему люду» и

мелким производителям; продавать тот товар, который им требуется, по более низким ценам, минуя посредников.

На съезде был разработан Типовой устав потребительских обществ, как общее руководящее начало для кооперативных учреждений (действующие уставы принимались в разное время и во многом зависели от взглядов их составителей) и Положение о союзах кооперативных учреждений. Было предложено создать Всероссийское потребительское общество (союз) для оказания практической помощи в организации обществ и их деятельности. Обществу предлагалось ввести реестр потребительских обществ со статистическими данными об их деятельности, выработать общие правила отчетности и счетоводства, издавать журнал со справочными сведениями по каждому обществу, исполнять совместные поручения обществ по оптовой закупке товаров русских и зарубежных, организовать экспертизу закупаемых товаров и т.д. Потребительские общества выработали на съезде ходатайство об учреждении Государственного банка мелкого кредита.

Особый интерес для изучения социологии предпринимательства представляют те выступления на съезде, которые, по сути, явились отчетами о проведенных их авторами социологических исследованиях — по «собственным программам» с применением статистического метода, опросов, наблюдения.

Делегат Императорского Вольного экономического общества, профессор Л.В. Ходский, выступая на съезде, выразил уверенность, что все делегаты съезда «проникнуты желанием добра России», не считают «добром для России исключительно то, что выгодно лично для них», и заметил, что «общегосударственный нерв живо рефлексирует у фабрикантов, как и у сельских хозяев и представителей других отраслей нашей промышленности» [14, т. 1, с. 12–13]. Эта идея об «общегосударственном нерве» особенно ярко и проявила себя в докладах и одновременно отчетах о проведенных социологических исследованиях. (Сам Л.В. Ходский принимал активное участие на съезде в полемике с Д.И. Менделеевым по вопросам железнодорожных тарифов, таможенной и протекционистской политики государства).

Так, на съезде с двумя докладами выступил фабричный инспектор В.И. Миропольский. Он имел 12-летний опыт службы в должности фабричного инспектора. 10 лет (1884–1894) он проработал в Воронежском фабричном округе и «имел дело с предпринимателями 8 губерний округа»: Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской и Астраханской. После упразднения Воронежского фабричного округа был назначен инспектором в Москве и Московской губернии, а затем в Варшаве и Варшавской губернии. В процессе многолетней работы он достаточно детально изучил деятельность фабрично-заводской и ремесленной промышленности.

Первый доклад Миропольского «О ремесленных заведениях» был посвящен проблемам ремесленной промышленности (по 8 губерниям) с рекомендациями о мерах по ее развитию. Результаты своего десятилетнего труда о состоянии среднего и мелкого предпринимательства Миропольский представил в виде исследования «по собственной программе, основанного на статистических сведениях, отчетах ремесленных и го-

родских управ, личного осмотра» (ежегодно им осматривалось 250–300 ремесленных заведений).

По данным Миропольского, всего в 8-ми губерниях насчитывалось 6 тысяч ремесленных заведений с общим числом работников от 35 до 40 тысяч человек. Ремесленные заведения специализировались по самым разным (свыше 100) видами производства.

Миропольский выделил следующие основные виды производств:

— производство одежды (мужские и дамские костюмы, тулупы, овчинно-шубное производство, фуражечное, шляпное, корсетное);

— производство обуви (сапожное, башмачное, валяльно-сапожное);

— производство экипажей (каретное, тележное, санное);

— производство пищи (хлебопекарное, булочное, калачное, крендельное, пирожное, колбасное);

— обработка металлов и минералов (кузнечное производство, медно-жестяное, лудильное, ювелирное, граверное, оружейное, стекольное, штукатурное, печное);

— «выработка дерева» (столярное производство, бондарное, колесное, плетеной мебели, резное по дереву);

— обработка кож (шорное производство, скорняжное, отделка кож и выделка овчин, обработка шкур зверей);

— «смешанные производства» (типографии, литографии, фотографии, гильзовое производство, вывесочное, живописное, иконописное, золотошвейное, чулочное-вязальное, переплетное, цирюльное, часовое, красильное, шеточное, производство музыкальных инструментов и др.).

Преобладало во всех 8-ми губерниях портняжное производство в разных видах (20–25% общего числа ремесленных заведений) и производство обуви (15–20% общего числа ремесленных заведений). По числу используемых наемных рабочих первое место занимало пищевое производство.

Поскольку ремесленное производство (мелкое и среднее предпринимательство) становилось все более самостоятельной и значимой формой производства, Миропольский на основании своего исследования разработал целый комплекс рекомендаций («общих мер») по подъему ремесленного производства и совершенствованию качества его изделий [14, т. 2, вып. 2, с. 11–29].

К общим мерам по подъему ремесленного производства он относил:

— организацию мелкого кредита («дешевого и доступного») для закупки материалов и наилучших орудий для данного производства;

— устройство складов-базаров для продажи изделий без посредников, «которым обыкновенно перепадает более, чем самому производителю»;

— устройство товариществ ремесленников («бедных и одиноких») для аренды мастерских по совместной работе. Кроме того, считал он, необходимо всячески «побуждать хозяев ремесленных заведений» к страхованию своего имущества (особенно от пожара);

К мерам по «улучшению ремесленных изделий»:

— устройство ремесленных музеев с собранием: образцов изделий

разных производств, как отечественных, так и иностранных; образцов материалов с указанием оптовой и розничной цены и места, где их можно приобрести; образцов «улучшенных орудий разных производств» с указанием цены и мест, где они могут быть приобретены; книг, чертежей и моделей по изготовлению изделий;

— учреждение для ремесленников воскресных и вечерних классов для обучения черчению, рисованию и «пополнению общего образования»;

— ежегодное устройство выставок изделий местных ремесленников с награждением «лучших произведений» похвальными листами, медалями, покупкою в местные музеи и т.д.;

— проведение ежегодного среди ремесленников всех городов «публичного экзамена на звание подмастерья», превратив этот экзамен в праздник; разработку механизма проведения экзамена поручить ремесленной управе и городской думе.

Второй доклад Миропольского «О желательных изменениях в форме и объеме статистических сведений о промышленных предприятиях и о способах обеспечения договоренности и своевременности доставления этих сведений» интересен для социологии предпринимательства тем, что его автор, ссылаясь на свою многолетнюю работу по сбору статистических сведений у «деятелей нашей промышленности», дает классификацию российских предпринимателей. Он оговаривается, что предложенная им классификация может показаться и «не научной», но она отвечает одной практической задаче — помогает уяснить, с кем приходится иметь дело «при собирании статистических сведений о промышленных заведениях».

Следует отметить, что в России в XIX в. понятия «предприниматель» и «собственник» (промышленник, хозяин, фабрикант, заводчик, владелец) рассматривались как синонимы. В современной экономической литературе наличие собственности не считается единственным и решающим признаком предпринимательской деятельности. Предприниматель — это и управляющий, и директор, и арендатор, и кооператор и т.д., т.е. лицо, которому свойственен особый тип поведения для получения предпринимательского дохода — инициатива, рациональный расчет, самостоятельность, риск, ответственность, творческий поиск, новизна подхода к делу, авторитет.

Миропольский предложил двоякий критерий классификации — производственный: крупные, средние, мелкие предприниматели и этнический: еврей-предприниматели и предприниматели-иностранцы, а затем выделил типичные черты, свойственные каждой группе.

Так, крупные предприниматели — это собственники крупных предприятий, акционерных компаний и торговых товариществ, люди от природы умные, в большинстве своем образованные. Всегда имеют «сведущих образованных помощников в лице управляющего, директора, техника и т.д.». Необходимость статистики обыкновенно понимают, требуемые статистические сведения дают «более или менее охотно».

Средние предприниматели. К ним относятся владельцы предприятий, которые имеют помощника-управляющего, контору, бухгалтера и писцов. Это люди умные от природы, но большей частью «самоучки». Они

всецело отдаются делу и «очень неохотно обращают внимание на то, что не касается их личных интересов или интересов их производства». Обыкновенно опасаются всяких «новшеств» как «в области экономической, так и в технике производства», поэтому «ученых» не любят и советов не слушают. К статистике относятся не просто равнодушно, а «почти прямо враждебно». Сведения в большинстве случаев дают крайне неохотно. «После нескольких понуждений со стороны власти» сведения дают неточные и неполные, иногда по небрежности, а иногда и намеренно.

Мелкие предприниматели. К ним Миропольский относит владельцев «мелких промышленных заведений», где все дела ведут сами предприниматели. Их помощником бывает кто-либо из членов семьи, либо приказчик или мастер. Предприниматели этой группы как правило малограмотны, постоянно чувствуют свою полную зависимость от конкуренции, шаткость своего положения «в промышленном мире, из которого могут быть выброшены во всякое время совершенно неожиданно для себя». К статистике относятся со страхом, в каждом вопросе «им чудится платеж лишнего рубля». Поэтому прежде чем отвечать на вопросы, они обыкновенно начинают «петь Лазаря» («что дело их маленькое, что они едва живут, что люди они темные, ничего не знают»). Чтобы добиться от них ответов, необходимо проявить большую настойчивость. Пишут они «дурно, медленно и с немалым трудом», поэтому у них приходится не собирать сведения, а «отбирать показания» — записывать их устные ответы.

Еврей-предприниматели. Они, как правило, не «начинают», а «затевают» какое-либо производство. Если не получают прибыли, не которую рассчитывали, стараются свое производство выгодно продать, чтобы заняться другим. Законов не любят и протестуют против всяких требований власти (в том числе и против статистики). Когда подчиняются требованиям власти, то всякие неточности истолковывают для уклонения от их исполнения.

Предприниматели-иностранцы. Это главным образом англичане, немцы и французы, которые приехали в Россию с определенной целью — «оставить себе в России состояние». Они плохо знают законы и обычаи страны и «боятся чем-нибудь скомпрометировать себя перед властью». Они законопослушны и «исполнительны, когда от них требуют чего-либо на законном основании». К статистике относятся без расположения, но и «без вражды и страха». На вопросы дают «более или менее добросовестные ответы» [14, т. 2, вып. 3, с. 91–92].

Общие выводы Миропольского: толковых и правдивых ответов можно ожидать только от крупных предпринимателей и предпринимателей-иностранцев. В целом предприниматели все вопросы о производстве, добыче сырья, условиях сбыта считают посягательством на их самостоятельность, «раскрытие, якобы их коммерческой тайны». В собирании статистических сведений в основном видят со стороны правительства одни только фискальные цели; подачу сведений оттягивают «до последней степени, придумывают разные увертки, чтобы уклониться от этой обязанности». При угрозе ответственности по закону сведения дают часто неверные, сбивчивые и противоречивые [14, т. 2, вып. 3, с. 93].

Миропольский считает, что получать толковые и правдивые ответы

от предпринимателей можно только при условии терпеливого, но настойчивого требования власти, пока эти лица не привыкнут сами своевременно доставлять требуемые сведения.

Для России второй половины XIX в. проблема образования особенно «низшего», «народного», проблема «грамотности населения» была одной из главных.

Развитие производственного предпринимательства, его активизация, эффективность, прибыльность были напрямую обусловлены уровнем образования рабочих и служащих — основного производственного ресурса.

Технолог Н. Барышников выступил на съезде с докладом, который также явился отчетом о проведенном им социологическом исследовании, задача которого была сформулирована в названии доклада — «О влиянии грамотности рабочих на улучшение фабричной промышленности (в Олонецкой губернии)».

Он получил статистические данные из «заводских книг» и из личного опроса рабочих во время своих инспекционных поездок по Олонецкой губернии за период январь-март 1896 г., а затем сделал выборку и сводку всех данных, а равно и все вычисления по 39 промышленным заведениям: 12 заводам (1 древесно-картонному, 9 лесопильным, 2 «железопердельным»); 1 фабрике (спичечной); мастерским (1 льнотрепальной, 4 «по ремонту пароходов», 3 меховым, 4 кожевенным, 14 пекарням).

По всем однотипным производствам им было просчитано: 1) общее количество работников (отдельно мужчин и женщин); 2) количество или процент грамотных на каждом производстве; 3) насколько (в %) заработок грамотных в среднем превышал заработок неграмотных; 4) зависимость между % грамотных рабочих и годовой производительностью труда 1-го работника в рублях.

Так, на 9 лесопильных заводах: всех рабочих (мужчины) — 498, среди них грамотных — 59%, грамотный получал в среднем на 18% больше неграмотного. Зависимость между грамотностью рабочих и годовой производительностью 1 рабочего в рублях следующая: при грамотности в 36% — 1.890 рублей, 38% — 3.566, 43% — 3.647.

По 9 пекарням: всех рабочих (мужчины) — 83, из них грамотных 59 человек, грамотный получал в среднем на 2% больше неграмотного. Зависимость между грамотностью и годовой производительностью на 1 рабочего, в рублях следующая: при грамотности в 43% — 728 рублей, при 50% — 800, при 67% — 848 и т.д.

Всего на 39 промышленных заведений работало 1.131 человек (916 мужчин и 215 женщин). Из 916 работников-мужчин грамотных — 458, т.е. 50%; из 215 работниц грамотных — 6, т.е. 2,79%. Всего грамотных (мужчин и женщин) — 464 человека [14, т. 3, вып. 5, с. 125].

Из 464 грамотных рабочих наибольшее число грамотных (62%) давала сельская народная школа и самоучки (21%). Многие самоучки выучились грамоте у «переходящих по деревням учителей-солдат» и «у раскольничьих начетчиков из упраздненных ныне монастырей». Техническое училище закончили 15 человек (3,23%), уездное и городское — 10 (2,16%), церковно-приходское — 31 (6,67%), заводское — 20 (4,31%) [14, т. 3, вып. 5, с. 126].

Наибольшее число грамотных мужчин — в возрастной группе 20–25 лет, у женщин — в возрастной группе 12–15 лет.

Всего на народное образование в Олонецкой губернии в 1894 г. тратилось: государственным казначейством 108.083 рубля, земством — 107.403 рубля, всего — 215.486 рублей.

В связи с тем, что грамотность рабочих «способствует успехам промышленности», Барышников считал необходимым открыть в городе Пудоже из средств казны ремесленное училище и увеличить ежегодное пособие казны «на предмет всеобщего в губернии образования» на 13.801 рублей [14, т. 3. вып. 5, с. 127].

Закончил Барышников свое исследование обращением к правительству об оказании «наилучшего и наивыгоднейшего для общества покровительства» развитию отечественной промышленности («отечественного предпринимательства») путем «материального осуществления» идеи всеобщего, обязательного и «дарового народного образования» при широком участии земств, фабрикантов и заводчиков. Кроме того, он считал чрезвычайно важным «установление в законодательном порядке» статистики возраста, заработка, грамотности и семейного положения рабочих на всех заводах, фабриках и мануфактурах.

В России второй половины XIX в. исследовалось влияние целого ряда факторов на развитие предпринимательской деятельности — от природных, метеорологических до условий найма и труда, системы страхования, жилищных условий и бюджетов работников. В стране, где только что было отменено крепостное право, крепостные отношения зачастую переносились на становление и функционирование производства во всех его формах. (Только Законом 1895 г. была запрещена «передача» рабочих от одного нанимателя другому). Однако со все большей силой заявляла о себе и другая тенденция. Передовые российские предприниматели понимали, что для успеха производства, эффективной предпринимательской деятельности необходимо менять психологию отношений между работодателями, управленцами и наемными рабочими. Актуальной становилась задача не только технической оснащенности производства, но и рациональной организации труда и управления, создания потребительских обществ, школ, библиотек, ссудных, сберегательных, пенсионных касс, с тем, чтобы работник мог соответствовать выполняемому им типу работы повышать свою квалификацию, удовлетворять и развивать свои потребности, способствуя тем самым развитию производства. Эти задачи в России зачастую решались предпринимательской деятельностью, «частной инициативой».

Так, в 1894 г. на Добрушской писчебумажной фабрике князя Паскевича (Гомельский уезд, Могилевская губерния) А.И. Сульгинский, ее управляющий, по собственным «теоретическим» расчетам с целью организации и улучшения производства провел «опыт» (социологический эксперимент), «реформу», какой не было «ни у нас в России, ни на заграничных фабриках». В данном случае по типу своей инновационной управленческой деятельности, с учетом риска, он сам выступил в роли предпринимателя. Суть «реформы» заключалась во введении на

фабрике 8-ми часового рабочего дня для сменных работ и 9 часового для дневных.

Вопрос о продолжительности рабочего дня активно обсуждался в российской печати. Карышев в работе «Труд, его роль и условия приложения в производстве» считал, что решение этого вопроса связано с природой человека, а потому решать его должна наука — физиология. Русский физиолог И.М. Сеченов разработал «физиологический критерий для установления длины рабочего дня». Его вывод — время «сплошной работы» не должно превышать 6 часов [15, с. 143–147].

Практически в определении продолжительности рабочего дня Россия следовала за Западом — на писчебумажных фабриках она составляла 12 часов. Любые попытки сократить рабочий день встречали «такой сильный отпор у тамошних фабрикантов», что даже его постановка считалась просто невозможной (хозяева и управленцы «боятся взяться за исследование и радикальное решение этого вопроса», хотя и не знают действительного времени, необходимого для выполнения работ).

Сульгинский, учитывая непрерывность писчебумажного производства, перевел работу с двух смен на три, сократив работу каждой смены с 12 до 8 часов при сохранении прежней зарплаты. Общее количество работающих было увеличено на 8% (с 178 до 193 человек). Потребовалось проведение новых мероприятий по организации производства — создание «подходящих условий» для проведения реформы: сокращение штата мастеров; проведение «технического благоустройства фабрики» — все однородные машины были «удобно размещены в одном помещении», а «не разбросаны по всей фабрике»; все однотипные работы, ранее исполнявшиеся отдельными рабочими для каждого «отделения фабрики», были переданы специально созданным артелям, которые коллективно должны были исполнять эту работу для всех отделений. Поскольку от «качества наличного состава рабочих» зависело все производство, был выделен костяк рабочих-специалистов, которым было поручено переобучение наиболее способных подручных рабочих в старшие.

Каждая из 3-х смен работала всю неделю по 8 часов, в воскресенье при «ломке смен» две смены работали по 12 часов, а третья (ночная) имела 24 часа «полного отдыха». Для дневных рабочих (отделения сортировки, упаковки, механические и ремонтные мастерские) был установлен 9-ти часовой рабочий день. В субботу все рабочие этой категории работали с 6 до 12 часов.

По расчетам Сульгинского, «заграничный сменный рабочий» на писчебумажных фабриках работал минимум 305 дней в году по 12 часов, т.е. 3,660 часов, в то время, как на Добрушской фабрике — 321 дней и 2708 часов, т.е. на 25% меньше «против заграничного рабочего» (и это при том, что «заграничный рабочий» пользовался воскресным отдыхом).

Успех проводимой Сульгинским реформы, по признанию самого управляющего, зависел от изменения психологии взаимоотношений между работодателем, администрацией и рабочими. Сначала, поскольку убедить рабочих «теоретическими рассуждениями» было невозможно, Сульгинскому пришлось просто «уговорить» их на проведение в течение 2-х месяцев этого опыта. В первое время на фабрике был значительно усилен контроль, и сам управляющий следил за ходом работ «не только днем, но и ночью». Люди работали суетливо, с «лихорадочной поспешностью». Но уже первый месяц работы показал, что «опыт удался блестяще, и успех реформе вполне обеспечен» [14, т. 3, вып. 5, с. 51]. По истечению двух

месяцев рабочие пришли с просьбой закрепить реформу. На фабрике был отслужен торжественный молебен, рабочие на собственные средства решили поставить «дубовый киот с иконою и неугасаемой лампадою в память установления восьми и девяти часового рабочего дня» [14, т. 3, вып. 5, с. 59].

На рабочих реформа оказала самое благоприятное влияние: улучшилось их здоровье, исчезла прежняя усталость, уменьшилось количество прогулов, сократилось пьянство, «текучесть кадров». Рабочие, имеющие участки земли, получили возможность их обрабатывать. Безземельные рабочие стали строить дома, обзаводиться хозяйством. Фабрика выдавала им кредит на строительный материал и передавала «за ничтожную арендную плату» участки земли под строительство. За период с 1894 по 1896 г. на фабрике появилось 20 новых домовладельцев. Поскольку большинство дневных рабочих состояло из женщин, а в субботу рабочий день начинался в 6 часов и заканчивался в 12 часов (с получасовым перерывом на завтрак), они получали время для ведения «домашнего хозяйства».

Сульгинский назвал свою реформу не актом филантропии, а решением «важного экономического вопроса на чисто экономической почве». Фабрике она обошлась «до тысячи рублей в год, т.е. 1/2 копейки на пуд выработанной бумаги» [14, т. 3, вып. 5, с. 53].

(В 1897 г. в России был издан закон об ограничении рабочего дня до 11,5 часов).

Своей «реформой» Сульгинский решал проблему организации промышленного производства на основании двух принципов: рационального экономического расчета и изменения психологии отношений между работодателем и наемными работниками.

Когда в начале XX в. в России стала обсуждаться «тэйлоровская система» организации производства, в ней в качестве «исходного пункта» развития предприятия, «главного основания успеха работы» выделялся принцип изменения психологии отношений между «высшими организационными единицами», администрацией и работниками. Хозяину, управляющему необходимо приблизиться к рабочему, знать его индивидуальные качества, проявлять заботу о его благополучии, здоровье, что не является проявлением «сентиментальности, а обоюдно выгодно и хозяину и рабочему», и «тэйлоровская система» объявлялась вполне пригодной для ее использования на российских предприятиях [16, № 2, с. 72; № 3, с. 113].

На той же Добрушской писчебумажной фабрике «частной инициативой» была создана сберегательно-вспомогательная касса для рабочих и принят ее устав, определяющий нормативные основания для отчислений и выплат работникам пособий «на случай болезни или неспособности к труду» [17; 18].

Вообще в России после отмены крепостного права проблема страхования работников стала одной из актуальных. Она весьма широко обсуждалась в российской печати и стала центральной на съезде. Так, фабричным инспектором Г.Ф. Тиграновым в докладе «Кассы для рабочих на фабриках, заводах и промышленных предприятиях в России» были представлены съезду результаты его исследования по вопросу о том, что делается правительством и частными промышленниками («частными пред-

принимателями») для «обеспечения участи рабочих и служащих». Исследование было основано на данных статистики, историческом материале, изучении документов, уставов касс, судебной практике, наблюдении.

Необходимо отметить, что тормозом в создании системы страхования в России было фактическое перенесение крепостных отношений на все формы промышленных предприятий, прежде всего на фабрично-заводскую систему. В отличие от западноевропейских стран в России опыта по созданию системы добровольного страхования работников инициативой самих частных предпринимателей и работников практически не существовало, не было и государственного законодательства, обязывающего предпринимателей страховать своих работников.

Отчет-исследование Тигранова представляет особый интерес, так как в нем был представлен сравнительный материал о становлении системы страхования в России и западноевропейских странах, в частности, Финляндии, вошедшей в состав России в 1809 г. (После присоединения к России Финляндия получила автономию с сохранением сейма, правительства, старых законов, собственной валюты, почтовой и железнодорожной системы).

Создание первых страховых касс в Финляндии относилось к концу XVI в. (когда Финляндия как Великое Княжество входила в состав Швеции) и инициировалось самими предпринимателями и работниками. В 1700 г. таких касс было 2, к 1896 г. — 127 [14, т. 3, вып. 5, с. 372]. Создание «попечительством предпринимателей» страховых касс Тигранов объясняет действием на Западе «цеховой системы», «цехового братства», которое брало на себя ответственность за обеспечение работников (и их семей) при потере трудоспособности по болезни, из-за выхода на пенсию и в случае смерти.

Западноевропейское «цеховое братство», «ремесленный цех» имели свою корпоративную организационно-хозяйственную, культурную среду, где действовал принцип взаимности прав и обязательств, распространявшийся и на отношения предпринимателей с наемными работниками. В рамках цеховой корпорации действовал свой регламент, устав поведения, писанный или традиционный, обязательный для всех членов данной группы. Сам регламент, устав разрабатывался внутри цеха, либо заимствовался у другого подобного. Этот корпоративный механизм действовал и в деле страхования работников. Деятельность страховых касс, вопросы об отчислениях и выплатах определялась уставом, который разрабатывался «цеховым братством» и являлся нормативно-правовой базой по обеспечению работников. В рамках касс создавался денежный (страховой) фонд, род оказываемой помощи определялся уставом. Существовали кассы больничные, ссудо-сберегательные, похоронные, пенсионные, часто создавались многофункциональные кассы.

К середине XIX в. благодаря развитию промышленности первое место в Финляндии стали занимать фабричные кассы — по числу членов, по размерам капиталов и по размерам выдаваемых пособий. Самыми крупными из них были касса табачной фабрики Боргстрема в Гельсингфорсе (основана в 1850 г.), касса акционерного общества Форсса (основана в

1859 г.), касса бумагопрядильных рабочих Финлейсон и К^о в Тамерфорсе (основана в 1864 г.) и касса фабрики «Литтхойс» (основана в 1889 г.). В течение 1870-х годов таких касс открылось 64 [14, т. 3, вып. 5, с. 371]. Кроме фабричных касс действовали ремесленные кассы (для работников определенного мастерства) и кассы мастеровых (для работников определенной местности без различия мастерства). Причем создавались страховые кассы не только повсеместно в городах, но и на предприятиях в селах — «вообще вдали от городов».

Со второй половины XIX в. система социального страхования в странах Западной Европы (в том числе и в Финляндии) стала регулироваться правительственным законодательством, которое требовало от частных предпринимателей обязательного создания на предприятиях «вспомогательных касс» или принятия участия «в расходах по страхованию рабочих каким-либо способом». Так, по Закону о найме рабочих 1865 г. в Финляндии предприниматели были обязаны оказывать своими средствами помощь работникам, «заболевшим во время работы», если же работник заболел «не на работах хозяина», ему все равно оказывалась помощь, но затраты на лечение могли быть вычтены затем из его заработка. В 80-е годы в Финляндии была создана особая комиссия для разработки законопроекта, регулирующего систему страхования от несчастного случая. Разработанный комиссией законопроект был одобрен сеймом, утвержден Николаем II и введен в действие в 1895 г. Действие закона распространялось на работников всех отраслей промышленности; работодатели, не застраховавшие своих работников от несчастных случаев, подвергались денежному взысканию (в размере от 50 до 1000 марок) [14, т. 3, вып. 5, с. 373].

Что касается России, то Тигранов в своем исследовании использовал в основном статистические данные по казенным предприятиям. И не только потому, что страховые кассы стали создаваться «правительственным попечением» на казенных заводах (прежде всего «по горному ведомству»), но и потому, что частные предприниматели зачастую вообще не желали содействовать «собираанию правительственными органами» сведений об условиях обеспеченности их работников.

Так, Указом от 8 марта 1861 г. рабочие казенных горных заводов были освобождены от крепостной зависимости, и правительство не обязывало, а предлагало учреждать на каждом руднике и заводе кассы горнозаводских товариществ. В 1861 г. была учреждена 1-ая касса — Алагирского горнозаводского товарищества, к 1896 г. их было 19. (Общее число рабочих по горному ведомству составляло 465.013, из них на казенных заводах работало 24.030 человек). Число членов всех касс казенных горных заводов составляло: в 1881 г. — 5.946; в 1887 г. — 7.222, в 1895 г. — 9.164 человек. Капитал всех касс составлял: в 1881 г. (14 касс) — 396.344 рубля, в 1887 г. (15 касс) — 660.268, в 1895 г. (19 касс) — 1.130.139 рублей [14, т. 3, вып. 5, с. 332]. Горнозаводские товарищества были учреждениями одновременно сберегательными, ссудными, пенсионными и вспомогательными (больничными и похоронными).

Всего к 1896 г. по 4 «ведомствам» (горному, финансовому военному, железнодорожному) страховых касс было 67. Из них 22 были созданы на казенных предприятиях (19 — на горных заводах, 1 — на военном, 2 — на финансовых предприятиях) и 45 — на частных (29 на горных заводах, 16 на железной дороге). Еще одна частная «ссудо-сберегательно-вспомогательно-пенсионная касса» была создана при «Кабинете его Императорского Величества» [14, т. 3, вып. 5, с. 377].

К 1896 г. Министерством земледелия и государственных имуществ был разработан проект закона о назначении пенсий и пособий работникам, пострадавшим при работах на казенных заводах и промыслах, но Закон о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев на рудниках и заводах, был принят в 1903 г.

Однако, несмотря на слабую государственную политику и явное отставание от Запада в сфере страхования, отсутствие исторического опыта устройства страховых касс и просто нежелание многих предпринимателей заниматься вопросами жизнеобеспечения работников, необходимость решения вопроса о страховании, считал Тигранов, становится все более очевидной в России. Работники, трудом которых «созидаются колоссальные богатства», все более «отрываются от земли» и их надежды на существование связаны исключительно с заработной платой, из которой необходимо «выделить резерв на черный день рабочего». Но отчислений в страховую фонд небольших долей от заработной платы работников явно недостаточно, в формирование фонда активно должны включаться своими средствами предприниматели («владельцы», арендаторы) [14, т. 3, вып. 5, с. 376].

Тигранов выделил те мотивы, которыми должны руководствоваться предприниматели при страховании работников. Это, прежде всего, чувство гуманности и справедливости. Это и рациональный, экономический расчет, осознание промышленниками, предпринимателями «собственных выгод» от страхования, которые дают возможность привлекать к делу наиболее опытных, квалифицированных работников, избегать текучести кадров, «переменного состава рабочих», изменить отношение работников к делу. Это и «страх принуждения судом» к обеспечению работника. Тигранов приводит случай, когда рабочему, получившему увечье на горнозаводском предприятии, горным начальством по «Уставу о пенсиях и пособиях горнорабочим» 1857 г. было определено пособие в размере 3 руб. 75 коп. в год и 5 пудов муки ежемесячно. Рабочий обратился в суд с иском о выплате ему пособия в сумме, «необходимой для полного обеспечения его». Суд признал, что решение заводоуправления со ссылкой на Устав 1857 года является незаконным, так как Устав «действовал при существовании крепостного права». Он обязал заводоуправление выплачивать рабочему пожизненно по 200 руб. в год на основании статей 684 и 687 Т. X. Ч. 1 Общего гражданского закона [14, т. 3, вып. 5, с. 337]. Тигранов отмечает, что данное решение суда может послужить прецедентом для новых подобных исков, если работодатели не только казенных, но и частных предприятий не будут принимать активного участия в решении вопроса о страховании своих работников. Наиболее целесообразная форма решения этого вопроса для всех видов производства — создание страховых касс и принятие устава, обеспечивающего нормативно-правовое регулирование их деятельности.

Практика разработки уставов страховых касс «частной инициативой» шла по двум направлениям: страховая касса и устав создавались либо на единичном предприятии, либо устав разрабатывался в том или ином регионе России для целой отрасли промышленности. Примером первого направления было учреждение страховой кассы на Добрушской писчебумажной фабрике, устав утвержден в 1896 г. Примером второго — разработка уставов касс для частных горных заводов в губерниях Царства Польского и рабочих частных горных заводов в Южной России, утвержденные Министерством земледелия и государственных имуществ в 1895 г.

Тигранов изучил уставы сберегательных касс и предложил общие правила страхования. Устройство страховых касс должно быть обязательным для всех предприятий, где применяется наемный труд. Участие

в кассе обязательно как для всех рабочих и служащих, так и для владельцев (арендаторов) предприятий. Средства кассы складываются «из не подлежащих возврату ежемесячных взносов» членов кассы в размере от 0,5% до 2% заработной платы и взносов владельцев, арендаторов предприятий, сумма которых должна составлять сумму «не меньшую взносов обязательных и добровольных членов». Деньги кассы должны храниться в государственной сберкассе или отделении государственного банка. Правление кассы избирается на 3 года общим собранием, и оно обязано предоставлять Министерству земледелия и государственных имуществ ежегодный отчет о своей деятельности. Владелец (арендатор) при участии 2-х рабочих обязан разработать устав кассы, который представляется на утверждение в министерство, в противном случае устав разрабатывается и вводится в действие самим министерством [14, т. 3, вып. 5, с. 377–378].

В настоящей статье затронуты далеко не все аспекты предпринимательской деятельности, которые исследовались в России. Так, во второй половине XIX в. началось изучение старообрядчества как явления не столько религиозного, сколько социально-экономического, бытового с его ориентацией на самоценность труда и экономический, хозяйственный рационализм (работы А.П. Щапова, И. Юзова-Каблица, Н.И. Костомарова, П.И. Мельникова и др.). Это изучение проводилось на основании этнографических наблюдений, документов старообрядцев, правительственных сборников и постановлений о расколе, статистических данных. Были предприняты статистические экспедиции в Нижегородскую, Ярославскую, Костромскую и др. губернии. При сравнении данных экспедиций о численности старообрядцев с официальной статистикой и отчетами губернаторов оказалось, что официальная статистика занижала численность старообрядцев зачастую в 10, а по Ярославской губернии в 30 раз.

Но одно дело — исследования. Они не только выявляли и описывали новые социальные реалии, но определяли проблемы, давали рекомендации, которые требовали «от общества и государства» их осознания и принятия мер по реформированию системы образования, бюджетной, финансовой, банковской, кредитной политики; изменению в отношении среднего и мелкого предпринимательства, в деле страхования, регулирования отношений между предпринимателями и наемными работниками и т.д. И другое — отношение власти, реакция которой на «практические нужды» предпринимательства по всем направлениям была далеко не адекватной.

С 1882 г. функции правительства в России фактически выполняло Министерство финансов (с 1892 по 1903 г. министром финансов был С.Ю. Витте, который во многом продолжил линию своего предшественника И.А. Вышнеградского). При нем Министерство финансов являлось одновременно Министерством торговли и промышленности, в его подчинении находился и Госбанк. Деятельность Витте в целом была направлена на расширение и усиление сферы «государственного хозяйства» (он не считал, что «казенное хозяйство хуже частного»). Будучи и в теории, и на практике сторонником просвещенного абсолютизма, он привлекал к работе известных общественных и научных деятелей, ста-

вил перед ними крупные задачи (работа Торгово-промышленного съезда была инициирована тоже им), решение которых всецело зависело от правительства, и реформы осуществлялись в административном порядке.

В дореволюционной России многие социологические исследования проводились фабричными инспекторами (профессорами, экономистами, статистиками, врачами). Так, инспектором московского фабричного округа был известный экономист, статистик, юрист, профессор Московского университета И.И. Янжул (преподавал финансовое право). Он был автором многочисленных работ, в том числе и исследования «Фабричный быт Московской губернии». Оставил он эту должность, так как «потерял веру в возможность плодотворной деятельности» — все его рекомендации и предложения оставались «в Петербурге без ответа», карательные постановления фабричной инспекции за всевозможные злоупотребления в исполнение не приводились. В начале XX в. правительство критиковалось за проводимую им бюджетную политику, которая по сути дела «консервировала» экономическую и технологическую отсталость страны, политику, «построенную на началах бюрократической опеки народа». «Типичная черта бюджета экономически отсталого государства» (России) — громадные расходы на управление, чиновничество, полицию, армию при «крайней ничтожности расходов» на образование, культуру, «развитие производительных сил населения» [19, с. 26]. При Витте было принято положение о коммерческих учебных заведениях и с 1896 по 1902 г. открыто 147 коммерческих училищ и 3 института (в Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве). Но их деятельность и финансирование (по Министерству финансов) находились в резком контрасте с «застоем учебного дела» и финансированием образования по Министерству народного просвещения. Тормозили процессы реформирования и крупные промышленники, предприниматели, которые предпочитали финансовую поддержку власти и сохранение полукрепостнических отношений на производстве — механизму нормативно-правового регулирования конкурентных отношений, развитию среднего и мелкого предпринимательства в стране.

Дальнейшая разработка социологии предпринимательства дореволюционной России необходима не только для ликвидации «белых пятен» в истории отечественной социологии: она помогает понять те процессы, которые происходят в сфере развития предпринимательской деятельности современной России.

Литература

1. Капусткина Е.В. Социология предпринимательства как учебная дисциплина // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.
2. Голосенко И.А. Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX века // Социологические исследования. 1984. № 2.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
4. Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. Т. 1. М.: Изд. Соц.-эконом. литературы, 1958.
5. Engel E. Die Lebens belgischer Arbeiter Familien. Dresden, 1895.
6. Щербина В. Потребности и потребление земледельческого населения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894.
7. Карышев Н. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб.: Тип. И.Н. Скорородова, 1897.
8. В.В. (Воронцов В.П.) Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
9. В.В. (Воронцов В.П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.
10. Куликовский Н. Артели Олонецких рыбаков // Юридический вестник. 1890. № 5–6.

11. Куликовский Н. Фабрично-заводская промышленность и торговля России // Сборник для Колумбовой выставки. СПб., 1993.
12. Чупров А.И., Янжул И.И. Экономическая оценка народного образования. СПб., 1896.
13. Туган-Бароновский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.
14. Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем-Новгороде. В 4-х т. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897.
15. Сеченов И. Физиологический критерий для установки длины рабочего дня. Доклад в обществе любителей естествознания в конце 1893 г. // Сборник для содействия самообразованию. СПб., 1895.
16. Панкин А.В. Организация промышленных предприятий и система заработной платы по В. Тэйлору // Записки Императорского русского технического общества. № 2–3. СПб., 1909.
17. Очерк развития Добрушской писчебумажной фабрики князя Паскевича. 1882–1896. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896.
18. Добрушская писчебумажная ф-ка Паскевича (Гомельский уезд). Сберегательно-вспомогательная касса. Устав сберегательно-вспомогательной кассы при Добрушской писчебумажной ф-ке Паскевича. (Утвержден 29 июня 1896 г.). СПб., 1896.
19. Новоченко В.А. К первой всероссийской мукомольной выставке // Записки Императорского русского технического общества. № 2. СПб., 1909.